Текст · 10 марта 2025, 15:34
Павел Васильев, Елена Дымова,

Ужас в моем доме. История украинки Екатерины Коровиной, осужденной на 10 лет за тысячу рублей донатов

В конце февраля Южный окружной военный суд в Ростове приговорил 28-летнюю Екатерину Коровину из Луганской области к 10 годам колонии по делу о финансировании экстремизма и терроризма. Сначала в ФСБ заподозрили, что девушка передала украинской разведке фото российской военной техники. Когда эти подозрения не подтвердились, Коровину обвинили в том, что она донатила «Азову» и «Правому сектору». Общая сумма пожертвований — чуть больше тысячи рублей. Екатерина настаивает, что участвовала только в гуманитарных сборах, но оговорила себя, испугавшись пыток. «Медиазона» рассказывает ее историю и публикует стихотворение «Ужас в моем доме», которым украинка завершила свое последнее слово в суде.

Надиктованное признание

Утром 19 марта 2024 года по пути в аптеку украинка Екатерина Коровина столкнулась[1] с двумя мужчинами в штатском. Один из них представился полицейским и настойчиво попросил пройти в машину, объясняя, что Екатерина похожа на какую-то девушку, потерявшую кошелек. Сбитая с толку, она последовала за незнакомцами. Всю дорогу, вспоминала Коровина, ее вели под руку, вероятно, опасаясь, что она попытается убежать.

Когда Екатерину усадили в автомобиль, к двоим силовикам присоединился третий. Это был 29-летний капитан ФСБ по имени Максим, объявивший, что Коровина задержана из-за подозрений в шпионаже. Капитан забрал у нее разблокированный смартфон и принялся листать фотографии. Один снимок его особенно заинтересовал — в кадр попала российская военная техника.

Коровина провела в машине несколько часов. Все это время девушку подробно расспрашивали: есть ли у нее «куратор», знает ли она людей с проукраинской позицией. Чуть позже к разговору подключился другой оперативник ФСБ по имени Андрей. Он предупредил: если Екатерина не будет сотрудничать по-хорошему, ему придется действовать «по-плохому». Вскоре Коровину доставили в отдел полиции, где продолжили задавать вопросы о ее отношении к войне и оккупации.

«Периодически в кабинет врывался Андрей, который был настроен достаточно агрессивно, и обвинял меня в том, что из-за таких, как я, до сих пор

продолжается война, — рассказывала Коровина в письме из СИЗО. — Все эти нападки я воспринимала как психологическую атаку, которая сильно сбивала с мыслей и не давала сосредоточиться».

Там же, в отделе, она дала силовикам пароль от приложения украинского «Ощадбанка». Изучив историю переводов, Максим выделил две последних транзакции и сказал, что деньги пошли на финансирование «Правого сектора», батальона «Айдар» и бригады «Азов».

Как вспоминала Екатерина, в течение нескольких часов капитан из ФСБ внушал ей, что она спонсировала «именно террористов и экстремистов»: по его логике, любые деньги, отправленные в Украину, в конечном счете идут на военные нужды ВСУ, в состав которых входят «Азов» и «Правый сектор»[2]. Девушка пыталась объяснить, что не разбирается в структуре вооруженных сил Украины, а небольшие пожертвования волонтерам отправляла на гуманитарные цели, чтобы помочь мирному населению. Контрразведчика это не убедило.

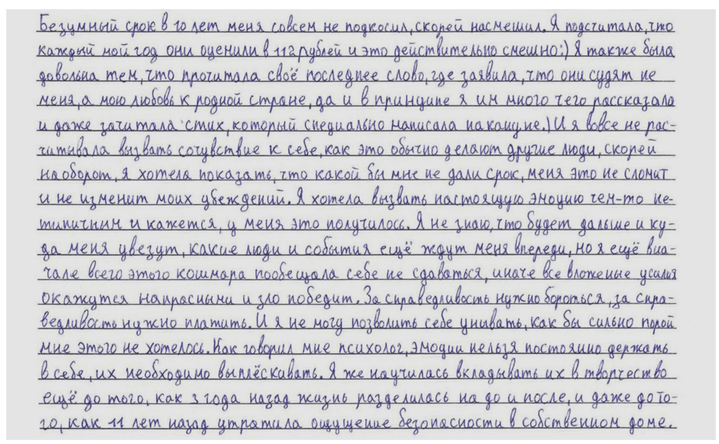
«Максим сказал, чтобы я не строила из себя дурочку и подписывала протокол», — вспоминала позднее Коровина.

Под давлением силовиков она так и поступила — расписалась в бумаге, где признавалась, что в общей сложности отправила на поддержку украинской армии несколько сотен гривен[3].

Это признание и выписки по транзакциям лягут в основу уголовного дела против Коровиной. Ей

предъявят обвинения в финансировании терроризма-[4] и экстремизма[5]. Позже в суде Екатерина скажет, что признала вину и согласилась на «сотрудничество» из страха перед пытками. Максим начал разговор с упоминания шпионажа, и хотя позже исследование телефона подтвердило, что фото с российской техникой девушка никому не отправляла, она была сильно испугана.

Напоследок, вспоминала Екатерина, силовики записали видео, на котором она признается в поддержке «Азова» и «Правого сектора». Украинка долго не могла запомнить надиктованный текст признания и в итоге зачитала его по бумажке, которую держал перед ней один из оперативников.

Безумный срок в 10 лет меня совсем не подкосил, скорей насмешил. Я подсчитала, что каждый мой год они оценили в 112 рублей и это действительно смешно:) Я также была довольна тем, что прочитала своё последнее слово, где заявила, что они судят не меня, а мою любовь к родной стране, да и в принципе я им много чего рассказала и даже зачитала стих, который специально написала на суд. :) И я вовсе не рассчитывала вызвать сочувствие к себе, как это обычно делают другие люди, скорее наоборот, я хотела показать, что какой бы мне не дали срок, меня это не сломит и не изменит моих убеждений. Я хотела вызвать настоящую эмоцию чем-то некитчевым и кажется, у меня это получилось. Я не знаю, что будет дальше и куда меня увезут, какие люди и события ещё ждут меня впереди, но я ещё вначале всего этого кошмара пообещала себе не сдаваться, иначе все вложенные усилия окажутся напрасными и зло победит. За справедливость нужно бороться, за справедливость нужно платить. И я не могу позволить себе унывать, как бы сильно порой мне этого не хотелось. Как говорил мне психолог, эмоции нельзя постоянно держать в себе, их необходимо выплёскивать. Я же научилась вкладывать их в творчество ещё до того, как 3 года назад жизнь разделилась на до и после, и даже до того, как 11 лет назад утратила ощущение безопасности в собственном доме.

Письмо Екатерины Коровиной из ростовского СИЗО-1

«А если завтра к нам заявится Китай?»

Екатерине Коровиной 28 лет. Она родилась и прожила всю жизнь в Луганской области, в селе Песчаное, фактически в пригороде Старобельска. Этот небольшой город оказался захвачен уже в начале марта 2022 года. Местные жители российской армии были не рады: в Старобельске проходили проукраинские митинги, люди блокировали дороги перед военной техникой и жгли флаги самопровозглашенной ЛНР.

После аннексии Луганской области Коровина отказалась принимать российское гражданство. Выступая в суде с последним словом, Екатерина эмоционально говорила о мотивах этого поступка:

«Я не знаю, в каком уголке мира, в какой другой стране возможно такое, чтобы однажды ты проснулся иностранным гражданином в своем доме, где ты родился и вырос. Это просто сюр какой-то! И что я должна была с этим сделать? Взять паспорт чужой для меня страны? А если завтра к нам заявится Китай? Еще и китайский паспорт взять? Я что, агент 007? Почему я вообще вынуждена брать чужой паспорт и продолжать жить, делая вид, что ничего не происходит?».

Девушка жила вместе с родителями в частном доме и, по словам ее матери Валентины Коровиной, в последнее время нигде не работала, но писала статьи и получала небольшие гонорары. Где именно печаталась Екатерина, мать не знает.

Коровина тяжело переживала российское вторжение и оккупацию. Война не пощадила ее семью: уже два с половиной года, рассказывала в суде украинка, она ничего не слышала о своей сестре, племяннице, племяннике и дяде.

«Что я должна чувствовать, когда с одной стороны находятся мои родственники из России, к которым я хорошо отношусь и не хочу терять с ними связь, а с другой стороны — родственники из Украины, за которых я вынуждена ежедневно переживать и думать, живы ли они, когда слишком долго не выходят на связь. А перед моими глазами что? Руины

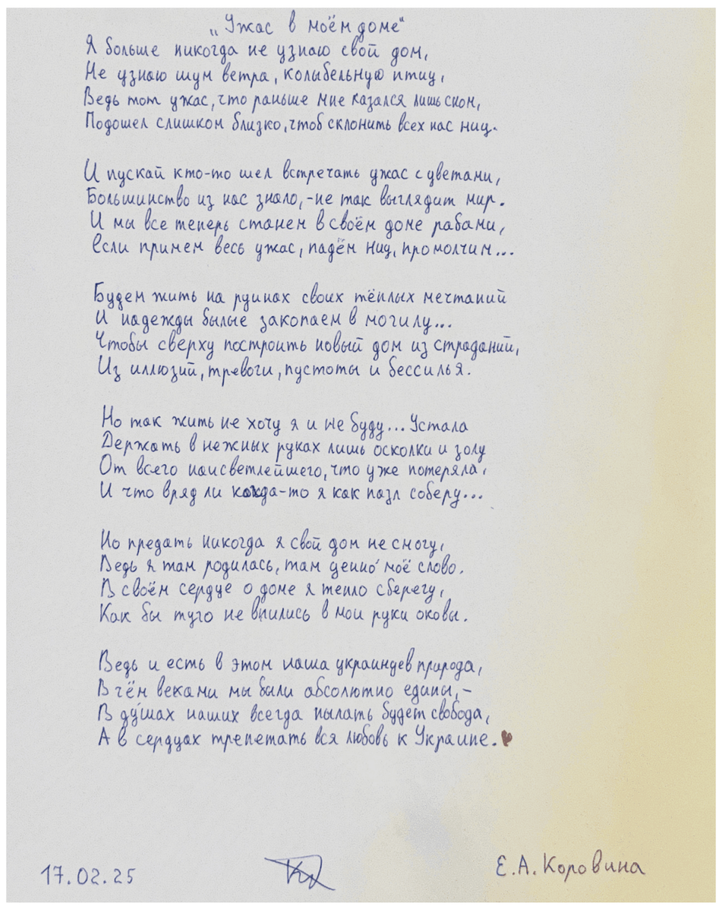
городов, которые я помнила целыми, красивыми и процветающими», — говорила Екатерина.

Получив доступ к ее телефону, сотрудники ФСБ выяснили, что девушка была подписана на украинские телеграм-каналы МАГНАТ, «Старобільськ *life*», «Український Наступ» и ШО НА ФРОНТІ?[6]. Два из них, по сведениям ФСБ, связаны с бойцами «Азова» и членами «Правого сектора», на чьи нужды админы каналов периодически объявляли сборы. Это могли быть краудфандинговые кампании по закупке *FPV*-дронов или военной амуниции.

На следствии Коровина призналась, что именно на военное снаряжение она и донатила, но позже в суде поменяла показания и утверждала, что отзывалась только на призывы волонтеров, которые собирали деньги для мирных жителей, например, на покупку обогревателей.

«На меня было достаточно надавить психологически, я человек впечатлительный, ранимый, тревожный, не совсем здоровый ментально, — обращалась девушка к судье в последнем слове. — Ведь как можно находиться в атмосфере с ежедневными сиренами, звуками обстрелов, летающими туда-сюда самолетами, вертолетами, ночными автоматными очередями и при этом оставаться нормальными?».

В любом случае суммы, которые переводила Екатерина, были символическими — от 30 до 60 гривен. В пересчете на российскую валюту самый большой перевод украинки составил всего 242 рубля 74 копейки.

Стихотворение на русском языке, которое Екатерина Коровина прочитала, выступая с последним словом в суде

«Поклонница "Азова" и "Правого сектора"»

Многочасовым опросом в отделе полиции сотрудники ФСБ не ограничились. В тот же день, 19 марта, Екатерину Коровину повезли домой на обыск. Всю дорогу оперативник рассуждал о том, что Украины как государства никогда не существовало и украинцев как нации тоже, вспоминала девушка позже.

Дома у Коровиных силовики набросились на ее брата Константина Дьяченко, который, как поняла Екатерина из разговора в машине по дороге на обыск, их «тоже очень заинтересовал».

«Приняли его достаточно грубо», — рассказывала Коровина, угрожали, что из-за «любого неправильного движения» застрелят. В деле своей сестры Дьяченко в итоге остался в статусе свидетеля, хотя Екатерина запомнила, как оперативники намекали: если она откажется от «сотрудничества», Константином тоже займутся.

Капитан из ФСБ оформил Коровиной подписку о невыезде, а через три дня вернулся с изъятым телефоном, чтобы с формального согласия девушки проверить ее переписки. Впрочем, как рассказывала Екатерина, по уведомлениям в гугл-аккаунте было понятно, что в телефон до этого и так заходили. Тогда же оперативник заскриншотил несколько транзакций в приложении «Ощадбанк», сделанных с января по март 2024 года.

Следующие два месяца Коровина ездила к контрразведчикам, которые то и дело просили что-то «уточнить». Они, в свою очередь, тоже навещали украинку — проверить, не скрылась ли та от следствия.

10 июня в семь утра у дома Коровиных появилось несколько машин. Оттуда выскочили вооруженные люди в камуфляже и масках и женщина, снимавшая все происходящее на телефон. Эти кадры войдут в ролик ФСБ о разоблачении «поклонницы "Азова" и "Правого сектора"» — их смонтируют со старой мартовской съемкой, поэтому зрителю может показаться, что за время задержания Екатерина успела переодеться. Сама девушка говорила, что на этот раз силовики в упор наставили на нее автоматы, потребовали взять в руки свой украинский паспорт и сказать, что она «спонсировала террористов и экстремистов».

Следующий месяц Коровина, по ее словам, провела в ИВС, откуда ее вывозили на психолого-психиатрическую экспертизу и к следователю — подписывать очередные протоколы. Под стражу девушку заключили 5 июля, предъявив

обвинения в финансировании террористической деятельности и экстремизма. Доказательствами по делу стали выписки из приложения «Ощадбанка» по девяти транзакциям на общую сумму 470 гривен, или 1 127 рублей 14 копеек по тогдашнему курсу.

Эти деньги были переведены на счета в украинском онлайн-банке *Monobank*, а среди получателей значился, например, Сергей Стерненко. Так же зовут бывшего лидера одесской ячейки «Правого сектора», который с началом полномасштабной войны организовал много успешных сборов на дроны для ВСУ. В ФСБ настаивали, что Коровина не могла не понимать, куда идут ее донаты.

Однако адвокат украинки сказал «Медиазоне», что следствию не удалось установить личность ни одного из получателей, которым Екатерина переводила деньги.

«Таким образом можно было указать любую организацию и сказать, что у них там есть счет. Вообще любую террористическую или экстремистскую организацию можно было бы приписать, следуя такой логике. Я думаю, что все дела такой направленности так расследуются, — рассуждает защитник. — Главное, что "Ощадбанк" находится на территории Украины, этого достаточно. Им было без разницы, что туда [в обвинение] вписать».

В суде украинка не признала вину, настаивая, что никогда не донатила на военные нужды, а ее скромные пожертвования предназначались пострадавшим от войны мирным жителям.

Одно из увлечений Екатерины — поэзия. Обычно она пишет на родном языке — украинском, но для суда сделала исключение. Последнее слово Коровина закончила стихотворением на русском, оно называется «Ужас в моем доме».

Я больше никогда не узнаю свой дом

Не узнаю шум ветра, колыбельную птиц,

Ведь тот ужас, что раньше мне казался лишь сном,

Подошел слишком близко, чтоб склонить всех нас ниц.

17 февраля судья Южного окружного военного суда Александр Генералов приговорил Екатерину Коровину к 10 годам колонии. Пока она остается в СИЗО-1 Ростова-на-Дону — там в камере № 105 отдельно от других арестантов содержат украинок, обвиняемых по террористическим и экстремистским статьям. «Медиазона» подробно рассказывала о них в телеграм-канале.

24 февраля, в третью годовщину вторжения, Екатерина написала письмо на волю:

«Сегодня особенно грустный для всех нас день, но все утро я танцевала и сочиняла песни на ходу, чем веселила своих девочек. Оззи Осборн как-то сказал:

"Я готов был выпрыгнуть в окно, чтобы насмешить человека, который грустит". Я такая же. И как нас всех одолеть с таким настроем? Да никак!».

Адрес для писем:

344022 г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 219, ФКУ СИЗО-1, Коровиной Екатерине Анатольевне 1996 г.р.

Работает сервис «Зонателеком».

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Екатерина Коровина подробно описала свое задержание в письме, копия которого есть в распоряжении «Медиазоны».
2. Такого подразделения не существует. Осенью 2022 года добровольческий украинский корпус «Правый сектор» был переформирован в 67-ю отдельную механизированную бригаду «ДУК».
3. В марте 2024 года официальный курс гривны составлял 2,38 рубля.
4. Часть 1.1 статьи 205.1 УК.
5. Часть 1 статьи 282.3 УК.
6. Это закрытый канал.